

Максимов Владимир Владимирович

ОНИМАПОЭТИКА ВОЕННОЙ ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА "ЗВЕЗДОПАД"

В статье представлен опыт аналитической экспликации именной парадигмы произведения В. П. Астафьева "Звездопад". В качестве оснований анализа рассматривается семантика военной повести. Семантический строй астафьевского текста организован на основе оппозиции символов "света" и "огня", что на уровне характеристик человеческого присутствия в мире соответствует оппозиции сознания и воли.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 141-144. ISSN 1997-2911.

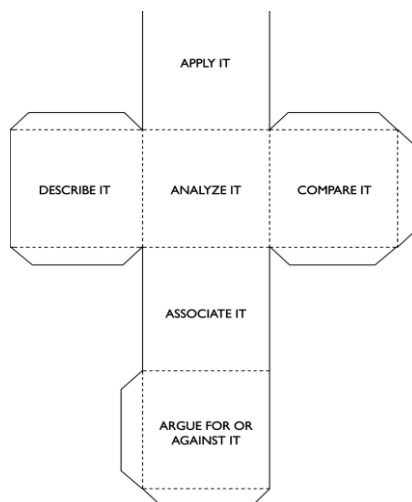
Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

*Appendix 1**Список литературы*

1. **Кьюбинг: посмотрите на проблему с разных сторон** [Электронный ресурс]. URL: <http://kolesnik.ru/2008/cubing/> (дата обращения: 26.11.2013).
2. **Bean T. W., Readence J. E., & Baldwin R. S.** Content area Literacy: an Integrated Approach (9th ed.). Dubuque, IA: Kendall/Hunt, 2008.
3. **Cubing Strategy: Instructions** [Электронный ресурс]. URL: <http://novelinks.org/uploads/Novels/TheGlassMenagerie/Cubing%20Strategy.pdf> (дата обращения: 20.11.2013).
4. **Morgan R. F., Richardson J. S.** Reading to Learn in the Content Area, 2000.
5. **Tompkins G.** Literacy for the 21st Century. 3rd Edition. Pearson Education, 2003.

**«CUBING» AS TECHNOLOGY OF ACTIVE FOREIGN LANGUAGE
TEACHING FOR TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS**

Makarovskikh Aleksandra Viktorovna

Ostroumova Alina Yur'evna

National Research Tomsk Polytechnic University

alexandravm1@rambler.ru; alinaostroumova@mail.ru

The article deals with the opportunities to use “cubing”-technologies in foreign language teaching including vocationally-oriented one. The authors pay attention to advantages of using the technology stated and give the example of its usage in foreign language classes with students of Natural Resources Institute in Tomsk Polytechnic University.

Key words and phrases: foreign language; «cubing»-technology; active teaching methods; activation of speech activity types.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье представлен опыт аналитической экспликации именной парадигмы произведения В. П. Астафьева «Звездапад». В качестве оснований анализа рассматривается семантика военной повести. Семантический строй астафьевского текста организован на основе оппозиции символов «света» и «огня», что на уровне характеристик человеческого присутствия в мире соответствует оппозиции сознания и воли.

Ключевые слова и фразы: онимапозитика; персональное имя; эпическая ситуация и конфликт; система персонажей; именная парадигма произведения.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

v_v_maksimov@rambler.ru

ОНИМАПОЭТИКА ВОЕННОЙ ПОВЕСТИ В. П. АСТАФЬЕВА «ЗВЕЗДОПАД»©

Поэтика русской военной повести отличается рядом парадоксов, один из которых выявляется за счет соотношения способов организации эпической ситуации и принципов построения системы персонажей. С одной

стороны, эпическая ситуация, образующая центр военных повествований, отличается предельным минимализмом: она всегда содержит в своем составе соотношение двух (и только двух) сил, стихий, начал и тенденций, одновременно отрицающих и дополняющих друг друга [4]. С другой стороны, в пространстве эпического мира предполагается достаточно большое количество персонажей, что особенно заметно в жанрах эпопеи и романа, но наблюдается и по отношению к повести. В связи с этим не может не возникнуть теоретико-литературный вопрос о том, почему для выражения такого относительно простого типа конфликта автор вынужден использовать развернутую систему персонажей? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить, понять и систематизировать все основные функции, которые персонаж может выполнять в эпическом мире.

В качестве исходной следует назвать ситуацию, когда персонаж вводится в текст, условно говоря, «в фоновом режиме». Так, в контексте военных повестей очень часто изображается ситуация боя, в котором принимают участие большие массы воюющих (полки, дивизии, армии). Эти панорамные картины воспринимаются в кругозоре статусных героев (командиров или командующих) в самом общем виде, без различения отдельных участников большого сражения, которые становятся важными не сами по себе, а как элементы военного плана и оперативного действия. Как правило, в контексте подобных эпизодов и сцен персонажи вводятся функционально, чаще всего они даже не названы по именам и фамилиям.

Более сложный тип обозначения персонажа предполагает какие-то моменты его характеристики, связанные уже не только с функциями, но и с допустимой степенью индивидуализации на фоне большого коллективного целого (образа воюющего коллектива): возраст, национальность, пол, внешний вид, стиль поведения, языковые особенности и пр. На этом уровне персонификации образа воюющий человек обычно отмечается автором именем.

Наконец, в качестве предельной степени индивидуализации необходимо назвать тот уровень, на котором осуществляется максимальная глубина воплощения личностного начала в образе героя, который уже находится совершенно в иных отношениях с другими и иногда вступает в экзистенциальное столкновение с коллективом.

Таким образом, имя персонажа, или персональное имя литературного героя (далее – ПИ), обладает многоаспектным статусом, в том числе и достаточно подвижным нарративным потенциалом. В каком-то смысле можно говорить о том, что в общей повествовательной системе, наряду с макросюжетом, существует своеобразный микросюжет, выстраивающийся в именную парадигму текста. Реконструкция такого омнимикросюжета требует тщательного внимания к предметным деталям и символическим нюансам художественной семантики произведения. Эта задача становится особенно актуальной по отношению к повествовательным субтрадициям, которые в составе национальной словесности играют магистральную роль, что с полным основанием можно сказать о повествованиях, посвященных военной теме в целом и событиям Великой Отечественной войны в частности.

Попытаемся показать возможность омнипоэтической аналитики на конкретном материале – дебютной военной повести В. П. Астафьева «Звездопад» (1960-1972) [1]. Данный текст выбран нами неслучайно.

Во-первых, повесть отличается небольшим кругом поименованных персонажей, но при этом способы их антропонимации постоянно варьируются. Так, в структурном смысле антропоним может включать три позиции (фамилию – имя – отчество персонажа), но этот вариант встречается в повести крайне редко. Гораздо чаще автор использует двух- и однопозиционные антропонимы в различных структурных вариантах. Кроме того, в качестве имен могут использоваться условные обозначения: например, всех обитателей госпитальной палаты контуженных называют «иваны», а немцев – традиционным суммарным именем «гансы».

Во-вторых, в качестве возможных, разграничительных и классифицирующих, маркеров автор использует разные принципы, но чаще всего граница в рамках формирующейся в эпическом мире демаркации проходит по гендерной границе, между героями и героинями. Так, все героини, кроме главного врача тылового госпиталя, названы только по именам: возраст, особенности характера, профессиональный статус и социальное место в городской среде являются вторичными факторами.

В-третьих, ПИ интересует автора и повествователя по линии соотношения общекультурного значения смыслового нарративного потенциала, при этом по ходу произведения смысловая тенденция начинает доминировать, что в конечном счете и позволяет говорить о наличии в произведении как именно парадигмы, так и микросюжета, связанного с ПИ.

Вообще в тексте встречается достаточно много свидетельств того, что имя становится знаком особой нарративной игры и интриги. Так, имя главного героя-рассказчика читатель узнает не сразу, а в тот момент, когда завершается треть повествования. Причем момент возможности назваться герою заявлен чуть ли не в самом начале текста, во время знакомства героя с героиней, госпитальной медсестрой. Имя героини читатель узнает, а об имени героя умалчивается. Такая же именная ретардация осуществляется и дальше, вплоть до финала произведения, когда читатель случайно и в несколько искаженной форме (Рохвеев, то есть Ерофеев) узнает и фамилию центрального персонажа рассказываемой истории.

К аналогичным приемам обыгрывания ПИ относятся и другие способы: на уровне отношений «персонаж – персонаж» это постоянные обыгрывания ранеными имен друг друга (сапера азербайджанца превращают в Коло; контуженных, потерявших память и забывших свои имена – в «иванов»; пензяка Рюрика – в «Урюка»).

Нарративная игра затрагивает не только антропонимы, но и топонимы. Центральные герои повести отмечают семантическую переключку и близость названий своих родных городов (Краснодар – Красноярск). Это игровое случайное для персонажей соотношение в горизонте и кругозоре автора и повествователя приобретает концептуальный смысл.

Герой действительно отличается своеволием, стихийным артистизмом, невероятным жизнелюбием, спонтанной злостью, приобретенной в ходе его драматической биографии (ранее сиротство, учеба и работа, молодость, брошенная в тигель жестокой войны). Все это подчеркивает в его сложившемся характере момент волевой напряженности, непредсказуемости поступков и, условно говоря, некоего градуса ярости – он ярый, внутренне сильный, резкий, стихийный. Тогда как у героини в главном сюжетном событии основной ролью является роль исцеляющей и, как точно она сама признается своему возлюбленному, как бы рождающей его для новой жизни – то есть дарящей и жизнь, и любовь.

К таким же сложным видам семантической игры относятся и случаи объединения в ПИ общекультурного и повествовательного ракурсов антропонимии [3]. Причем автор использует не только патетическую, но и критическую (даже гротескную) стратегию. Так, в семантическом плане имя госпитального главврача – Агния Васильевна – соотносит сразу два комплекса значений: «огонь» и «царственный» [5]. Неслучайно раненые переименовывают это редкое для русского слуха и культуры имя в «Огня». Однако именная экзотика подтверждается не только иерархически предельным местом персонажа в эпической ситуации как держателя миропорядка (на профессиональном языке госпиталя – режима), но и на уровне более обширных концептуальных смыслов.

В художественной семантике дебютной астафьевской повести ключевую роль играет оппозиция *света и огня*. С мотива света повесть начинается, им же она и завершается в эпизоде созерцания героем картины позднесеннего звездопада, который соотносится с «жизнеспособностью» (О. И. Генисаретский) людей: свет от умерших идет до помнящих долго. Таким образом, за мотивом света закрепляется такая человеческая способность, как способность сознания и памяти. Огонь – это сила и воля, живущие и укорененные в человеке, заставляющие его не рефлексировать, а действовать. То обстоятельство, что автор в первой повести в качестве центрального героя вывел «персонажа сознания», а не «героя воли», обладающего больше поэтическим, творческим, артистическим сознанием и импульсивной, стихийной волей (ярый), является далеко не случайным, а архитектурным моментом, что подтверждается многократными аллюзиями на известную пушкинскую элегию «На холмах Грузии лежит ночная мгла», что ориентирует астафьевский текст на элегико-драматический строй произведения великого предшественника [2, с. 24-32].

В этом плане прямо противоположный способ (минус-прием дизноминации) встречается по отношению к образу матери героини, которая играет роковую фабульную роль в разрыве отношений между любящими, так как помнит предательство мужа, связавшего свою жизнь с более молодой фронтовой подругой. Встречаются в тексте и случаи гротескного обыгрывания «говорящих фамилий»: Гусаков, Шестапов, Макурин; фотограф Изик Изикович Шумсагер – все это персонажи, занимающие в сюжете явно сниженный ценностно-смысловой уровень.

Подведем итоги.

Именное пространство повести «Звездопад» включает в свой актуальный состав 16 ПИ, из которых 10 относятся к героям и 6 к героиням; такая гендерная диспропорция является нормативной для военной прозы в целом, за редким исключением (Б. Васильев «А зори здесь тихие», С. Алексиевич «У войны не женское лицо», М. Грекова «Вдовый пароход»).

Макросюжетный план повествования связан с двумя художественными идеями: идеей исцеления раненых советских бойцов, находящихся в тыловом госпитале, и идеей воспитания, так как им предстоит по-новому жить и действовать в послевоенное время. Эта сюжетная ситуация временного пребывания в госпитале создает особую систему персонажей, в которой объединяются бывшие бойцы, медперсонал и горожане.

В этой системе персонажей иерархическую фабульную роль занимает главврач, что семантически и символически подтверждается ее именем – Агния Васильевна («царственный огонь» [5] = полная воля). Гротескный полюс фабульных и именных распределений принадлежит персонажам, которые излечиваются, но не проходят испытания воспитанием, не преобразуются духовно и морально. К этой же группе персонажей относится и образ местного фотографа, стремящегося запечатлеть драматизм и трагизм состояний обитателей госпиталя в лубочной форме. Интересно, что сама семантика профессии вновь соотносится со световыми мотивами (фотограф – «светописец»), а значит, и актами сознания, но искаженного. Своеобразный меональный тип номинации отмечает образ матери, послуживший роковой преградой на пути двух любящих. Медиальный центр принадлежит образам друзей (особенно друга с княжеским именем Рюрик и вольной в аспекте природной семантики фамилией Ветров) и любимых (Лида, Капа, Женя).

В целом именная парадигма повести выстраивается вокруг концептуальной оси «свет – огонь» и репрезентирует отсутствие целостной человеческой личности (сознание и воля) в точке перехода от войны к миру.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Звездопад // Астафьев В. П. Ясным ли днем: повести, рассказы. М.: Сов. Россия, 1989. С. 291-364.
2. Бройтман С. Н. Тайная поэтика Пушкина // Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: РГГУ, 2008. С. 13-101.
3. Максимов В. В. Омнипоэтические сценарии и стратегии в контексте военной прозы 1940-2010-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 2. С. 123-125.
4. Тмарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь: Изд-во ТверГУ, 2001. 72 с.
5. Успенский Л. Ты и твоё имя [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/PROZA/USPENSKIJ_L/you_name.txt (дата обращения: 19.12.2013).

PROPER NAME POETICS OF V. P. ASTAF'EV'S MILITARY NARRATIVE "STAR SHOWER"

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The attempt of the nominal paradigm analytical explication of V. P. Astaf'ev's work "Star Shower" is presented in the article. The military narrative semantics is considered as the analysis grounds. The semantic order of Astaf'ev's text is organized on the basis of "fight" and "fire" symbols opposition that corresponds to consciousness and will opposition at the level of the characteristics of the human's presence in the world.

Key words and phrases: proper name poetics; personal name; epic situation and conflict; personages system; work nominal paradigm.

УДК 811.512.157

Филологические науки

В статье рассматриваются основные вопросы оптимизации инвентаризационных и интерпретационных типов словарей языка саха. Перевод инвентаризационного словаря в отличие от свободного должен иметь терминографический характер. Подчеркивается роль дефиниции как весьма удачного инструмента для выделения терминологического значения многозначных терминов и слов с недифференцированным значением. Указывается на необходимость обновления, пересоставления и создания новых терминологических словарей.

Ключевые слова и фразы: оптимизация спецсловарей; инвентаризационные и интерпретационные типы; терминографический перевод; дефинитивное определение; терминография; терминология; якутский язык.

Оконешников Егор Иннокентьевич, д. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Sikkier84@mail.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ СПЕЦСЛОВАРЕЙ ЯЗЫКА САХА©

Особенно интенсивные терминологические исследования в нашей стране проводились, как отмечают специалисты, в 1970-1980-е гг., тогда и формировались основные понятия науки о терминах – терминоведения [3, с. 274]. Ежегодно увеличивается число выпускаемых словарей специальной лексики, расширяются области их применения. Теоретики терминоведения обосновали новое направление в языкознании под названием «терминография». Она обособилась от лексикографии и оформилась как самостоятельная научная дисциплина [2, с. 6-7].

Научные знания традиционно группируются по трем блокам: а) естественные науки; б) общественные науки; в) научно-технические науки. Якутская терминография располагает спецсловарями по всем трем блокам знаний. Словари специальной лексики, согласно принципам терминографии, подразделяются на инвентаризационные и интерпретационные типы словарей.

Инвентаризация терминов – это сбор и описание всех слов-терминов, принадлежащих выбранной области знания или ее тематическому фрагменту. Инвентаризационные словари – это словари чисто переводного типа. Подобное упорядочение является первоочередным и соответствует первому этапу терминологических исследований, где осуществляется описание необходимого минимума слов-терминов по избранной отрасли знаний. К данному типу спецсловарей относятся.

1) Русско-якутский термино-орфографический словарь / сост. П. А. Ойунский. М., 1935; 2) Краткий словарь учебных терминов / колл. авт. Якутск, 1942; 3) Краткий терминологический словарь / сост. П. П. Барашков. Якутск, 1956; 4) Русско-якутский систематизированный словарь. Изд-е 3-е / сост. В. Н. Данилов; 5) Краткий русско-якутский словарь биологических терминов / сост. А. А. Макаров. Якутск, 1974; 6) Русско-якутский словарь биологических терминов / под. ред. Г. С. Угарова. Якутск, 1993; 7) Краткий русско-якутский словарь экономических терминов / сост. В. И. Быганова. Якутск, 1998; 8) Русско-саха общественно-политический словарь / сост. Е. И. Оконешников. Якутск, 1998; 9) Русско-якутский юридический словарь / колл. авт. Якутск, 2000; 10) Русско-якутский терминологический словарь / сост. А. А. Иванов-Кундэ. Якутск, 2000; 11) Словарь русско-латинско-якутских названий растений Якутии / сост. А. М. Петров. Якутск, 2002.

Инвентаризационные словари по характеру являются русско-якутскими, что лишний раз подтверждает ведущую роль русской терминологической школы. Новые понятия с их обозначениями приходят к нам через русский язык.

Многоотраслевые инвентаризационные словари языка саха постепенно теряют свою жизнеспособность. Прежде всего, по той простой причине, что в них нет помет, указывающих, к какой отрасли знаний относится тот или иной термин, включенный в словарь. Наши первые многоотраслевые словари были составлены в то время, когда терминоведение еще не обособилось как самостоятельная научная дисциплина («Русско-якутский термино-орфографический словарь» П. А. Ойунского издан в 1935 г., а «Русско-якутский

© Оконешников Е. И., 2014